

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

НАЧАЛО ПОВЕСТИ КАК ДАРОВАЛ БОГ ПОБЕДУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ ЗА ДОНОМ НАД ПОГАНЫМ МАМАЕМ И МОЛЕНИЕМ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ И РУССКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ БОГ ВОЗВЫСИЛ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО, РУССКУЮ ЗЕМЛЮ, А БЕЗБОЖНЫХ ТАТАР ПОСРАМИЛ

Хочу вам, братья, поведать о войне, о новой победе, как произошла битва на Дону великого князя Дмитрия Ивановича и всех православных христиан с поганым Мамаем и с безбожными татарами. И возвысил Бог род христианский, а поганых унизил и посрамил их суровость, как в прежние времена помог Гедеону над мадиамлянами и преславному Моисею над фараоном.

Подобает нам поведать о величии и милости Божией, как исполнил Господь желание боящихся Его, как помог Господь великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу победить безбожных половцев и татар.

Попущением Божиим за грехи наши, по навождению дьявола поднялся князь восточной стороны именем Мамай, еллин верою, идоложрец и иконоборец, злой христианский укоритель. И начал подстрекать его дьявол, и в сердце Мамаю вошла злоба против рода христианского, и подучил его дьявол, как разорить православную веру и осквернить святые церкви, и все христианство себе покорить, чтобы не славилось имя Господне в людях Его. Господь же наш, Бог, Царь и Творец всей твари, как хочет, так и творит.

Он же, безбожный Мамай, начал хвалиться и позавидовал второму Иулиану-Отступнику, царю Батыю; и начал спрашивать старых татар, как царь Батый пленил Русскую землю. И начали ему говорить старые татары, как пленил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, Славенскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей убил, и святые церкви осквернил, и многие монастыри и села пожег, и во Владимире вселенскую церковь златоверхую разграбил.

Ослеплен был умом Мамай и не понял, что как Господу будет угодно, так и будет, как некогда Иерусалим был взят Титом Римским и Навуходносором, царем вавилонским, за согрешения и маловерие побежденных. Но не до конца прогневается Господь и не вечно враждует.

Слышал безбожный Мамай от своих старых татар и начал собираться, распаляем непрестанно дьяволом, ополчаясь против христианства. И начал говорить своим алпаутам и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам так: «Я не хочу так же сделать, как Батый. Но когда войду в Русь и убью их князя, то какие грады прекрасные подойдут нам, там сядем и будем Русью владеть, тихо и безмятежно поживем».

А не ведал того окаянный, что Господня рука высока. И спустя малое число дней перебрался через великую реку Волгу со всеми силами. И иные многие орды к своему великому воинству присоединил и сказал им: «Пойдем на Русскую землю и обогатимся русским золотом!». Пошел же безбожный на Русь, ревя, как лев, гневом дыша, как неуголимая ехидна. И дошел до устья реки Воронеж, и распустил всю силу свою, и заповедал всем татарам своим так: «Пусть ни один из вас не пашет хлеба, будьте готовы на русские хлеба!».

Услышал князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже, а хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скучность ума была в его голове, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и со многими дарами и писал грамоты свои к нему так: «Восточному великому и вольному царю царей Мамаю радоваться! Твой ставленник и присяжник Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего служебника, князя Дмитрия Ивановича Московского, устрашить его хочешь. Ныне же, господин, всесветлый царь, пришло твое время: земля Московская наполнилась златом и серебром, и богатством многим, и всякими ценностями на потребу твоего царства. А князь Дмитрий Московский — человек христианский, когда он услышит о ярости твоей, то отбежит в дальние свои пределы: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, и многое богатство московское и золото все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, держава твоя да пощадит, царь. Я ведь для тебя устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще умоляем тебя, царь, оба мы, рабы твои, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду великую приняли мы от великого князя Дмитрия Ивановича, и если когда-либо погрозим ему о своей обиде твоим именем царским, то он о том не беспокоится. И еще, господин царь, он отнял у меня град мой Коломну. И обо всем том, царь, жалобу приносим тебе».

А другого своего вестника князь Олег Рязанский спешно отправил со своим написанием. Написание же его в грамотах было таково: «К великому князю Ольгерду Литовскому, радоваться великою радостью! Известно, что издавна ты замышлял, как бы выгнать из Москвы великого князя Дмитрия Ивановича Московского, а самому владеть Москвою. Ныне же, князь, пришло наше время: великий царь Мамай идет против него и на землю его. Ныне же, князь, мы оба присоединимся к царю Мамаю; ведь я знаю, что царь даст тебе град Москву, да и иные грады, прилегающие к твоему княжению, а мне даст град Коломну, да Владимир, да Муром, что стоят близко к моему княжению. Я же послал своего посла к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами. И ты пошли к нему своего посла и какие можешь послать дары, и ты пошли к нему, и грамоты свои напиши, как сам знаешь, больше меня понимаешь».

Князь же Ольгерд Литовский, услышав это, был очень рад, что его друг князь Олег Рязанский воздал ему великую похвалу. И посылает спешно посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. И пишет

свои грамоты так: «Восточному великому царю Мамаю, князь Ольгерд Литовский, присяжник твой, много тебя умоляет. Слышал я, господин, что ты хочешь наказать свой удел, своего служебника, московского князя Дмитрия. И поэтому пишу тебе, вольный царь, раб твой, что великую обиду делает князь Дмитрий Московский слуге твоему, князю Олегу Рязанскому, да и мне также делает великие неприятности. Господин, царь вольный Мамай! Пусть теперь придет держава твоего царства к нашим пределам, пусть ты сам, царь, обратишь внимание на злые обиды московского князя Дмитрия Ивановича, причиненные нам».

Помышляли же Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, что если князь Дмитрий услышит о царе приходе и ярости его и об их союзе с царем, то убежит из Москвы в Великий Новгород или на Белоозеро, или на Двину. «А мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, то мы его встретим с большими дарами и с великою честью и умолим его, и возвратится царь в свои орды, а мы царевым велением разделим княжение Московское между собою — часть к Вильне, часть к Рязани, и станет царь Мамай давать нам свои ярлыки и потомкам нашим после нас».

Не ведали они, что замышляли и что говорили, как несмышленные малые дети, не ведая Божьей силы и Господнего рассмотрения. Поистине сказано: «Если кто к Богу держит веру с добрыми делами и правду в сердце и упование возлагает на Бога, того человека Господь не даст на поношение и в посмешище врагам».

А государь князь великий Дмитрий Иванович, человек смиренный, носящий образ смиренномудрия, желающий небесного и ожидающий от Бога будущих вечных благ, не знал он того, что на него совещаются злым совещанием ближние его друзья. О таковых пророк сказал: «Не сотвори ближнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы. На Бога-Творца надейся. Господь Бог может оживить и умертвить».

Пришли послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему многие дары и написания. Царь же принял дары с любовью и писания и грамоты читал, и, чествовав послов, отпустил их, и написал такие послания Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому: «За дары ваши и за хвалу вашу, что написали мне, отдарю вас, сколько хотите получить от меня из русских земель. А вы мне присягу дайте и встречайте меня, где успеете, и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна; ведь если бы я ныне захотел, то со своею силою великою и древний бы Иерусалим захватил, как сделали это халдеи. Но ныне вашей чести хочу, именем моим царским и угрозою, а вашу присягою и действиями вашими разбит будет князь Дмитрий Московский, и моею угрозою грозным станет имя ваше в странах ваших. Мне ведь, царю, следует побеждать царя, равного себе, мне подобает и мне следует получать царскую честь. Ныне вы идите от меня и скажите своим князьям мои слова».

Послы же возвратились от царя к своим князьям и сказали им, что царь Мамай их приветствует и великую хвалу за их великие добрые слова им говорит. Они же, как скудные умом, возрадовались суетному привету безбожного царя, не зная того, что Бог дает власть кому хочет. Ныне они в единой вере, в едином крещении с Дмитрием Ивановичем, а соединились с безбожным царем, чтобы устроить гонение на православную веру Христову. О таких Патерик сказал: «Поистине сами посекали свои хорошие масличные деревья и посадили маслины дикие».

Князь же Олег Рязанский начал спешить и посылать к Мамаю своих послов и сказал: «Иди, царь, скорее на Русь». Говорит ведь Премудрость: «Замысел нечестивых не удастся, собирают они для себя досаждение и срам». Ныне я назову этого окаянного Олега новым Святополком.

Услышал князь великий Дмитрий Иванович, что идет на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, непрестанно разъярясь против христианства и против Христовой веры, подражая безголовому Батыю, и очень опечалился по поводу нашествия безбожных. И став перед святою иконою Господнего образа, что стоит в его изголовии, опустился на колени и начал молиться, и сказал: «Господи, смею ли я, грешный, молиться Тебе, смиренный раб Твой, но к кому обращу уныние мое? Лишь на Тебя надеюсь, Господи, и Тебе представлю печаль мою. И ты, Господи, Царь, Владыко, Светодатель, не сотвори нам, Господи, как сотворил отцам нашим, когда навел на них и на грады их злого Батыя. Еще ведь, Господи, велик страх и трепет среди нас при воспоминании о том. И ныне, Господи, Царь, Владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, Господи, что хочешь всю землю нашу погубить из-за меня грешного. Ведь я согрешил перед Тобою больше всех людей, и ради слез моих сотвори для меня, Господи, так, как сделал для Езекии, и смири, Господи, сердце этого свирепого зверя». Поклонился и сказал: «На Господа уповаю и не потеряю сил».

И послал в Боровск за братом своим князем Владимиром Андреевичем, и разослал скорых гонцов за всеми князьями русскими, и за всеми воеводами местными, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И велел им поскорее прибыть к нему в Москву. Князь же Владимир Андреевич спешно пришел в Москву, и все князья и воеводы.

И князь великий Дмитрий Иванович, взяв с собой брата своего князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: «Знаешь ли, отец наш, предстоящую для нас беду великую, что безбожный царь Мамай идет на нас непрестанной своей яростью?». Митрополит же сказал великому князю: «Скажи мне, господин, чем ты перед ним провинился?». Князь же великий сказал: «Тщательно я проверил, отче, что все дал ему по обычаю наших отцов и даже больше».

Митрополит же сказал: «Видишь ли, господин, попущением Божиим, ради наших согрешений идет он захватить землю нашу, но вам, князьям православ-

ным, подобает этих нечестивых дарами удовлетворить вчетверо. Если же и после того не укротится, то Господь его укротит, потому что Господь гордым противится, а смиренным дает благодать. Так же случилось некогда и с Великим Василием в Кесарии, когда злой отступник Иулиан шел против персов и хотел разорить град его Кесарию. Василий Великий помолился со всеми христианами Господу Богу и собрал много золота, и послал к нему, чтобы его, преступника, утолить. Он же, окаянный, еще больше разъярился, и Господь послал погубить его воина Своего Меркурия. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, и так он скончался. Ты же, господин, возьми золото, сколько имеешь, и пошли ему, и снова оправдайся перед ним».

Князь же великий Дмитрий Иванович послал избранного своего юношу, разумного и смышленного, по имени Захарий Тутшев, и дал ему двух переводчиков, знающих язык половецкий, и посылает с ним к нечестивому царю Мамаю много золота. Захарий же дошел до земли Рязанской и услышал, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, и тотчас же тайно послал вестника к великому князю. Князь же великий Дмитрий Иванович, получив эту весть, начал сердцем болеть и исполнился ярости и горести, и начал молиться: «Господи, Боже мой, на Тебя надеюсь, любящего правду. Если враг делает мне зло, то подобает мне терпеть, потому что извечно дьявол — ненавистник и враг рода христианского. А тут мои друзья искренние замыслили на меня. Рассуди, Господи, между ними и мною, ведь я им не сотворил никакого зла, только дары и почести от них принимал, а их в ответ также одаривал. Но суди, Господи, по правде моей, да скончается злоба грешных».

И взяв с собой брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел вторично к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский объединились с Мамаем против него. Преосвященный же митрополит сказал: «Какую обиду сотворил ты им сам, господин?». Князь же великий прослезился и сказал: «Если я перед Богом грешен или перед людьми, то по отношению к ним я даже единой черты не перешел, по сравнению с обычаями моих отцов. Знаешь ведь, отче, и сам, что я удовлетворен своими пределами, а им никакую обиду не сделал и не знаю, во имя чего умножились восстающие на меня».

Преосвященный же митрополит сказал: «Сын мой, господин князь великий, да просветятся веселием очи твои сердечные. Почитаешь ты закон Божий и творишь правду, потому что праведен Господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы, многие, суетно и напрасно они стараются, ты же во имя Господне сопротивляйся им. Господь правдив, и будет Он тебе в правде Помощник. А от Всевидящего ока Господнего где можно укрыться, от крепкой руки Его?».

И князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами решили устроить в степи крепкую сторожевую заставу. И послал в сторожевые избранных сво-

их крепких оружников: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябтова и иных с ними крепких юношей. И повелел им на Тихой Сосне нести сторожевую службу со всяким усердием, и под Орду ехать, и пленника добывать, чтобы узнать истину о царевои хотении. А сам князь великий разослал по всей Русской земле скорых гонцов со своими грамотами по всем городам: «Чтобы все были готовы идти на мою службу, на войну с безбожными татарами. Соединитесь все на Коломне на Успенский пост».

Сторожевые замедлили в поле, и князь великий послал вторую заставу: Климента Полянина, Ивана-Святослава Свеславина, Григория Судокова и иных с ними, велел им поскорее возвратиться. Они же встретили Василия Тупика: ведет он пленника к великому князю, пленник же этот из царева двора, сановитый человек. И поведал великому князю, что Мамай действительно идет на Русь, что к нему посылали послов, и объединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. Царь не спешит идти, потому что осени ожидает. Услышал же князь великий от пленника такие вести о таком нашествии безбожного царя и начал утешаться надеждой на Бога, и укреплял брата своего, князя Владимира, и всех князей русских, и сказал: «Братья, князья русские, ведь мы — род князя Владимира Святославича Киевского, кому дал Господь познать православную веру, как и Евстафию Плакиде. Владимир просветил всю землю Русскую святым крещением, вывел нас из язычества и заповедал нам ту святую веру крепко держать и хранить, и бороться за нее. Если кто ради нее пострадает, то в будущем веке причислен будет к святым первомученикам за веру Христову. Я, братья, хочу пострадать за веру Христову даже и до смерти».

Они же ему сказали единогласно, как едиными устами: «Воистину ты, государь, исполнил закон Божий и евангельскую заповедь, ибо сказал Господь: “Если кто пострадает ради имени Моего, то в будущий век получит жизнь вечную”. И мы, государь, теперь готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав, что брат его, князь Владимир Андреевич, и все князья русские решаются сражаться за веру, повелел всему воинству своему быть на Коломне на Успение Святой Богородицы: «Тогда пересмотрю полки и каждому полку поставлю воеводу». И все множество людей, точно едиными устами, сказало: «Дай же нам, Господи, совершить это решение ради имени Твоего Святого».

И пришли к нему князья белозерские, готовы они к бою, и хорошо устроено воинство их: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья. Пришли и ярославские князья со своими силами: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и иные многие князья. Тут, братья, стук стучит и как гром гремит в славном граде Москве. Это идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взяв с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, пошел к Живоначальной Троице на поклон к отцу своему, преподобному старцу Сергию, чтобы получить благословение от святой той обители. И просил его преподобный игумен Сергей, чтобы он выслушал Святую Литургию, ведь тогда был день Воскресный и память святых мучеников Фрола и Лавра. По окончании же Литургии святой Сергей со всею братьею просил великого князя, чтобы он вкусил хлеба в доме Живоначальной Троицы, в его обители. Великому же князю было это не ко времени, потому что пришли к нему вестники, извещая, что уже приближаются поганые татары, и он просил преподобного, чтобы тот его отпустил. И сказал ему преподобный старец: «Это замедление будет для тебя двойным поспешением. Не придется тебе, господин, еще носить венец победы, но только после ряда лет, а для иных многих уже ныне венцы плетутся!». Князь же великий вкусил хлеба их, а игумен Сергей в то время велел освящать воду с мощей святых мучеников Фрола и Лавра. Князь же великий быстро поднимается от трапезы. Преподобный же Сергей окропляет его священной водою и все христоролюбивое его воинство и осеняет великого князя крестом Христовым. И сказал: «Иди, господин, против поганых татар, призывая Бога, Господь Бог будет тебе Помощником и Заступником». И сказал ему тайно: «Победишь, господин, своих врагов, как подобает твоему государству».

Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своего полка, Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем и ты нам поможешь». Преподобный же старец велел им спешно приготовиться идти с великим князем, ведь они были известными ратниками в сражениях, знаменитые наездники. Они тотчас же послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал им Сергей вместо тленного нетленного оружие — крест Христов, нашитый на схимах, и велел вместо золоченых шлемов возложить на себя. И дал их в распоряжение великого князя, и сказал: «Вот тебе мои оружники, а твои избранники». И сказал им: «Мир вам, братья мои, крепко сражайтесь с погаными татарами, как добрые воины, за веру Христову и за все православное христианство». И дал Христово знамение всему воинству великого князя, мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем и никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел к славному своему граду Москве, радуясь, получив, как сокровище, благословение святого старца. И приехав в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к пресвященному митрополиту Киприану и поведал одному лишь митрополиту, что сказал ему тайно святой старец Сергей и как благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же велел ему эти слова хранить в тайне и не говорить никому.

Наступил четверг, 27 августа, на память святого отца Пимена Отходника. В тот день решил князь великий идти против безбожных татар. Взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, он пришел в церковь Святой Бого-

родицы, стал перед образом Господним, сложил руки на своей груди, проливая потоки слез, молясь, и сказал: «Господи, Боже наш, Владыка страшный, крепкий, воистину Ты Царь Славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к Тебе единому прибегаем, нашему Спасителю и благодетелю, Твоею ведь рукою созданы мы. Но знаю, Господи, что согрешения мои выше моей головы, и ныне не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, приими, Господи, оружие и щит и восстань на помощь мне. Дай же мне, Господи, победу над врагами, пусть и они узнают славу Твою».

И приблизился к чудотворному образу Госпожи Царицы, что написал Лука-евангелист еще при своей жизни, и сказал: «О чудотворная Госпожа Царица, Заступница всей твари человеческой, благодаря Тебе узнали мы истинного Бога нашего, воплотившегося и родившегося от Тебя. Не дай же, Госпожа, городов наших на разорение поганым татарам, да не осквернят святых Твоих церквей и веры христианской. Умоли, Госпожа Царица, Сына Своего Христа, Бога нашего, чтобы Он укротил сердца врагов наших, да и не будет их рука высока. И Ты, Госпожа Пресвятая Богородица, пошли нам Свою помощь и покрой нас нетленною Своею ризою, да не будем мы бояться ран и смерти, на Тебя ведь надеемся, потому что мы Твои рабы. Знаю, Госпожа, если захочешь, то можешь помочь нам против врагов, поганых половцев. Не призывают они Твоего имени, мы же, Госпожа Пречистая Богородица, на Тебя надеемся и на Твою помощь. Ныне идем против безбожных печенегов, поганых татар, пусть умолен будет Тобою Сын Твой, Бог наш».

И пришел к гробу блаженного чудотворца Петра-митрополита, почтительно ему поклонился и сказал: «О чудотворный святитель Петр, по милости Божией ты непрестанно чудодействуешь. Ныне пришло для тебя время молиться за нас общему Владыке всех, Царю, милостивому Спасу. Ныне ведь ополчились на меня супостаты поганые и на град твой Москву крепко вооружаются. Тебя ведь Господь показал роду нашему и зажег тебя, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком, чтобы светить всей земле Русской. И тебе подобает ныне о нас, грешных, молиться, чтобы не пришла на нас смертная опасность и сила грешников нас не погубила. Ты ведь страж наш крепкий от вражеских нападений, потому что мы твоя паства».

И, кончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его и отпустил идти против поганых татар, и дал ему Христово знамение, благословение, и послал Богосвященный собор свой с крестами и со святыми иконами, и со священной водою в Фроловские ворота и в Никольские, и в Константиноеленские, чтобы всякий воин вышел благословенным и окропленным священной водою.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и преклонился перед святым образом его.

И потом пришел к гробам православных князей, прародителей своих, и так говорил со слезами: «Истинные хранители, русские князья, поборники православной веры христианской, прародители наши! Если имеете смелость просить Христа, то ныне помолитесь о нашем унынии, потому что ныне приключилось великое нашествие на нас, детей ваших. И ныне сражайтесь вместе с нами». И, так сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия и княгиня Владимирова Мария, и княгини иных православных князей, и многие жены воеводские, и боярыни московские, и жены служилых людей стояли тут на проводах в слезах и с восклицаниями сердечными, не могли и слова сказать, отдавая последнее целование. И прочие княгини и боярыни, и жены служилых людей также дали своим мужьям последнее целование и возвратились с великою княгинею. Князь же великий сам едва удержался от слез, но не стал плакать при народе. А в сердце своем тяжело плакал и утешал свою княгиню. И сказал: «Жена, если Бог за нас, кто против нас?». И сел на воинского своего коня, и все князья и воеводы сели на своих коней.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь, как соколы, оторвались от золотых колодок из каменного града Москвы и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольчиками, хотят ударить на многие стада лебединые и гусиные. Это, брат, не соколы вылетели из каменного града Москвы, это выехали русские удалыцы с своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а хотят напасть на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим полком выехали. Нарядно выглядят их войско. Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а белозерские князья пошли Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел дорогою на Котел. Впереди ему солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет.

Из-за того разлучился князь великий с братом своим, что не вместиться всем на одной дороге.

Княгиня же великая Евдокия со своею снохою княгинею Володимеровою Мариєю и с воеводскими женами и с боярынями взшла в златоверхий свой терем в набережный и села на урундуке под стекольчатыми окнами. Уже ведь в последний раз смотрит на великого князя, проливая слезы, как речную быстрину.

С великою печалью приложила она руки свои к груди своей и сказала: «Господи, Боже мой, Вышний Творец, взгляни на мое смирение, сподоби меня, Господи, снова увидеть моего государя, славного среди людей, великого князя Дмитрия Ивановича. Дай же ему, Господи, Своей крепкой рукой помощь, чтобы победить враждебных поганых татар. И не сотвори, Господи, так же, как раньше, когда была великая битва русских князей на Калках с погаными татарами. И ныне избави, Господи, от такой беды, и спаси их, и помилуй.

Не дай, Господи, погибнуть христианству. Да славится имя Твое Святое в Русской земле! Со времени того калкского бедствия и великого побоища татарского до сих пор еще Русская земля уныла и не имеет иной надежды ни на кого, только на Тебя, Всемилостивого Бога, Ты ведь можешь и оживить и умертвить. А я, грешная, имею ныне двух потомков, еще очень молодых, князя Василия и князя Юрия. Когда припечет их ясное солнце с юга или ветер повеет на запад, не смогут еще вытерпеть. Что тогда я, грешная, сделаю? Так верни им, Господи, здоровым отца их, великого князя, тем и земля их спасется и они царствуют вовеки».

Князь же великий пошел, взяв с собой именитых людей, десять человек московских гостей-сурожан для того, чтобы они видели, что произойдет, и рассказали об этом в дальних землях, как купцы-хозяева: первый — Василий Капица, второй — Сидор Олферьев, третий — Константин Петунов, четвертый — Козьма Ковря, пятый — Семен Онтонов, шестой — Михаил Саларев; седьмой — Тимофей Весяков, восьмой — Дмитрий Черный, девятый — Дементий Саларев, десятый — Иван Ших.

И пошел князь великий Дмитрий Иванович по великой широкой дороге, а за ним успешно идут русские сыны, словно для того, чтобы пить медовые чаши и есть виноградные гроздья, хотят добыть для себя чести и славного имени.

Уже, братья, стук стучит и гром гремит на ранней заре, князь Владимир Андреевич через Москву-реку перевозится на красивом перевозе в Боровске. Князь же великий пришел на Коломну в субботу, на память святого отца Моисея Мурина. Тут уже были многие воеводы и ратники и встретили его на речке на Северке.

Архиепископ же Геронтий Коломенский встретил великого князя в городских воротах с живоносными крестами и со святыми иконами, со всем причтом, и осенил его живоносным крестом, и молитву сотворил: «Спаси, Боже, люди Своя».

Наутро же князь великий велел выехать всем воинам на поле к Девичью.

В святое Воскресенье после Заутрени начали многие ратные трубы трубить и органы многие бить, и шитые знамена шумят у сада Панфилова.

Сыны русские наступили на обширные поля коломенские, так что невозможно вместиться на них от множества воинов и никому невозможно очами обозреть рать великого князя.

Князь же великий с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, выехал на высокое место, увидел множество людей и возрадовался, и назначил воеводу в каждый полк. К себе же в полк взял великий князь белозерских князей, а в правую руку назначил брата своего, князя Владимира, дав ему в полк ярославских князей, а в левую руку поставил князя Глеба Брянского. В передовом полку — Дмитрий Всеволож да брат его Владимир Всеволож. С коломенцами — воевода Микула Васильевич Владимирский и юрьевский воевода — Тимофей Волуевич; костромской же воевода — Иван Квашня Родио-

нович; переяславский воевода — Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Конанов, князь Феодор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский. Князь же великий, распределив полки, повелел им перевозиться через реку Оку и приказал каждому полку и воеводам: «Если кто пойдет по Рязанской земле, то пусть никого не обидит».

И взял князь великий благословение от архиепископа Коломенского и переехал через реку Оку со всеми силами. И отпустил в поле третью сторожевую заставу избранных своих витязей, чтобы они встретились с татарскими сторожевыми в степи: Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тынина, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и иных многих с ними известных поляниц. И сказал князь великий своему брату, князю Владимиру: «Поспешим, брат, против безбожных половцев, поганых татар, и не спрячемся от их бесстыдства. Если, брат, и смерть нам приключится, то не простая, не безумная смерть, но жизнь вечная».

А сам государь князь великий, будучи в пути, призывал сродников своих на помощь, святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Услышал князь Олег Рязанский, что князь великий собрал большое войско и идет навстречу безбожному царю Мамаю, твердо вооруженный своею верою, возлагая всю надежду на Вседержителя Бога, вышнего Творца. И начал Олег Рязанский остерегаться, переходить с места на место со своими единомышленниками, говоря: «Если бы нам было возможно послать весть о таком деле к многоразумному Ольгерду Литовскому, как он об этом думает, да нет для нас пути. Я раньше думал, что не следует русским князьям противиться восточному царю. А ныне как понять? Откуда такая помощь пришла Дмитрию Ивановичу, что он против нас трех вооружился?».

И бояре его сказали ему: «Нам, князь, сообщили из Москвы за 15 дней до этого, но мы побоялись тебе сказать, что в вотчине великого князя близ Москвы живет монах, Сергием зовут, очень прозорливый. Тот вооружил его и дал ему пособников из своих монахов».

Услышав это, князь Олег Рязанский начал бояться и рассердился и разъярился на своих бояр: «Почему вы мне не сказали прежде этого? Ведь я бы послал умолить нечестивого царя, и никакого бы зла не сотворилось. Горе мне, ибо погубил я свой ум, и не я ведь один оскудел умом, но и более меня разумный Ольгерд Литовский. Но ведь он исповедует закон латинский Петра Гугнивого, я же, окаянный, познал истинный Закон Божий. И чего ради совратился? И сбудется на мне реченное Господом: «Если раб, зная закон господина своего, его преступит, бит будет за это много».

Ныне же что сотворил? Зная Закон Божий Сотворителя неба и земли и всей твари, присоединился ныне к нечестивому царю, хотящему поправить Закон Божий! Ныне же какому плохому разумению отдал себя? Если бы я ныне помог великому князю, то он все равно не принял бы меня, ведь он знает о моей из-

мене. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то поистине буду, как древний гонитель на Христову веру, и земля пожрет меня живым, как Святополка, не только лишен буду княжения, но и жизнь потеряю, и предан буду мучению в аду. Ведь если Господь за них, никто не может идти против них. Да еще эта молитва прозорливого монаха. А если ни одному из них не помогу, то после как могу прожить? И ныне я так думаю: кому из них Господь поможет, к тому и присоединюсь».

Князь же Ольгерд Литовский по вышесказанному совету соединил много литвы, варягов и жемоти и пошел на помощь Мамаю. И пришел к граду Одоеву, и услышал, что великий князь собрал многое множество воинов, всю русь и славян, и пошел к Дону против царя Мамаю, а Олег испугался.

И начал Ольгерд понимать бесплодность своих замыслов, по-иному думал он о своем соединении с Олегом Рязанским и начал сердиться, говоря: «Если человеку не хватает своей мудрости, то напрасно он ищет чужой мудрости. Никогда ведь не было, чтобы Литва училась у Рязани! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам еще больше погиб. Ныне останусь здесь, пока не услышу о московской победе».

В это же время услышали князь Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский Ольгердовичи, что настала для великого князя Дмитрия Ивановича Московского и для всего православного христианства великая печаль и забота от безбожного Мамаю. Были ведь те князья ненавидимы своим отцом, князем Ольгердом, из-за их мачехи, но Богом были возлюблены и приняли святое крещение.

Были они как некие колосья доброплодные, подавляемые сорными травами, живя среди нечестия, не было им возможности вырастить достойный плод. И посылает князь Андрей к брату своему князю Дмитрию тайно малую грамоту, в ней же было написано: «Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но Господь Бог, Отец Небесный, еще больше возлюбил нас и просветил нас святым крещением, и дал нам Закон Свой, чтобы выполнить его, и освободил нас от пустой суеты и от нечистой пищи. Мы же ныне за это что воздадим Богу? Но постараемся, брат, сделать подвиг добрый Подвижнику Христу, Начальнику христианскому. Пойдем, брат, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству. Великая печаль наступает для них от поганых татар, да еще и отец наш и Олег Рязанский соединились с безбожными и подняли гонение на православную веру Христову. Нам, брат, подобает исполнить Святое Писание, говорящее: «Братья, в бедах пособивы бывайте!». Не бойся же, брат, того, что мы будем противиться отцу, как сказал евангелист Лука устами Господа нашего Иисуса Христа: „Преданы будете родителями и братьею и умрете имени Моего ради. Претерпевший же до конца, тот спасется“. Выберемся, брат, из этого давящего нас сорняка и присоединимся к истинному плодовитому Христову винограду, возделанному рукою Христовою. Ныне, брат, подвиза-

емся не ради земной жизни, но желая небесных почестей, что Господь дает творящим волю Его».

Прочитал князь Дмитрий Ольгердович писание брата своего старшего и начал радоваться и плакать от радости, говоря: «Владыко, Господи, Человеколюбче, дай же рабам Твоим совершить хотение свое путем такого доброго подвига, какой показал Ты брату моему старшему!».

И сказал послу брата: «Скажи брату моему, князю Андрею: я готов теперь поступать по твоему наказу, брат и господин. Сколько ни есть моего войска, то все вместе со мною, по Божьему Промыслу, соединились они для войны с дунайскими татарами. И ныне скажи брату моему: слышал я, что пришли ко мне медокормцы из Северы, а рассказывают, что уже великий князь Дмитрий на Дону, там хочет ждать злых сыроядцев. И нам подобает идти к Северу и тут соединиться с ним. Надо держать путь на Север, таким путем утаимся от отца своего, чтобы он нам постыдно не помешал».

Спустя немного времени сошлись оба брата, как желали, со всеми силами в Севере и, увидевшись, обрадовались, как некогда Иосиф с Вениамином, видя у себя множество людей, усердных и умелых, славных воинов. И прибыли быстро на Дон, и застали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте под названием Березуй, и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались радостью великою о таковой милости Божией; ведь невозможно бы и быть такому, чтобы дети своего отца оставляли и ссорились с ним, как когда-то поступили волхвы по отношению к Ироду, и пришли бы на помощь нам. И, дарам почтив их многими, поехал своей дорогой, радуясь и веселясь о Святом Духе, уже от всего земного отрекшись, ожидая для себя другой, бессмертной жизни. И сказал им князь великий: «Братья мои милые, ради чего пришли вы сюда?».

Они же сказали: «Господь Бог послал нас к тебе на помощь». Князь же великий сказал: «Воистину вы подражатели праотца нашего Авраама, как тот быстро помог Лоту, и также подражатели доблестному великому князю Ярославу, как тот отомстил за кровь своих братьев». И вскоре князь великий послал весть в Москву к преосвященному митрополиту Киприану: «Князья Ольгердовичи пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили».

Быстро вестник пришел к преосвященному митрополиту. Архиепископ же, услышав это, встал и помолился, говоря со слезами: «Господи, Владыко-Человеколюбец, Ты встречные нам ветры делаешь тихими».

И послал во все соборные церкви и в обители, велел еще больше молиться Вседержителю Богу день и ночь. И послал в обитель преподобного игумена Сергия, да услышит Бог их молитвы!

Княгиня же великая Евдокия, услышав о том великом Божьем милосердии, начала еще больше милостыню раздавать и начала непрестанно ходить в святую церковь молиться день и ночь.

Это же оставим и на первое возвратимся. Когда великий князь прибыл на место, называемое Березуй, что за двадцать три версты от Дона, тогда наступил 5-й день месяца сентября, на память святого пророка Захарии, в тот же день — убиение сродника великого князя, князя Глеба Владимировича. Приехали тогда двое из сторожевых, Петр Горский и Карп Олексин, и привели знатного пленника из сановников царева двора. Тот пленник поведал: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, ожидает Ольгерда Литовского и Олега Рязанского, а о твоём войске царь не знает, не ждет и встречи с тобой, по присланным к нему писаниям Олеговым, а после трех дней будет он на Дону». Князь же великий спросил его о царевой силе. Он же сказал: «Его силы неисчислимо много множество воинства никому невозможно исчезнуть». Князь же великий начал советоваться с братом своим и новоизреченною братьею, с литовскими князьями: «Здесь ли останемся или переправимся через Дон?». И сказали ему Ольгердовичи: «Если хочешь крепкого войска, то повели переправиться через Дон, и да не будет ни у кого ни единого помышления об отступлении. А о великой силе татар не думай, потому что не в силе Бог, а в правде: Ярослав перебрался через реку и Святополк победил; прадед твой, великий князь Александр, перешел через Неву-реку и короля победил. Так и тебе, помянув Бога, подобает так же делать. И если победим, то все спасемся, если же умрем, то все общую смерть примем, от князей и до простых людей. Тебе же ныне, государю, великому князю, не подобает больше говорить о смерти, а говорить буйными словами и теми словами укреплять войско твое. Мы ведь видим, что в войске твоём много множество лучших витязей». Князь же великий велел всему воинству перевозиться через Дон. А в это время вестники торопят, потому что приближаются поганые татары. Многие сыны русские возрадовались радостью великою при виде своего ожидаемого подвига, которого они еще на Руси желали.

В течение же многих дней многие волки прибежали на то место, воют грозно, неустанно, по всем ночам, чуют грозу великую. У храбрых людей в полках сердца укрепляются, а другие люди в полках при такой грозе еще больше смирились, потому что необычно много рати собралось.

Не умолкая говорят галки, своею речью говорят, орлы многие с устья Дона слетелись, летаячи по воздуху, клекчут, и многие звери грозно воют, ожидают того грозного дня, назначенного Богом, в который падут трупы человеческие. Такое будет кровопролитие, как вода морская. От такого ведь страха и великой грозы деревья преклоняются и трава расстилается. Многие люди с обеих сторон унывают, видя перед очами смерть.

И начали поганые половцы со многим стыдом печалиться о погибели своей жизни, потому что умрет нечестивый и погибнет память его с шумом. А правоверные люди еще больше процветут, радуясь, ожидая исполнения того

обетования, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергей.

Вестники же торопят, потому что поганые уже быстро приближаются. В шестой час дня прибежал Семен Мелик с дружиною своею, а за ними гнались многие татары. Так бесстыдно гнались, что и русские полки увидели и возвратились поспешно к царю, и поведали ему, что русские князья приготвили к бою у Дона.

Божиим Промыслом видели татары великое множество приготовившихся людей и поведали царю, что у русских князей вчетверо больше воинства, чем собрано у нас. Он же, нечестивый царь, разъяренный дьяволом на свою гибель, вдруг воскликнул и закричал: «Таковы мои силы. Если не одолею русских князей, как же в состоянии буду возвратиться восвояси? Срама своего не вытерплю». И велел поганым своим половцам вооружаться.

Семен же Мелик поведал великому князю: «Уже царь Мамай пришел на Гусин брод, одна только ночь разделяет нас, наутро он придет на Непрядву. Следует тебе, государю, великому князю, нынче приготовиться к бою, чтобы не опередили поганые». И начал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим князем Владимиром Андреевичем и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами расставлять полки до шестого часа. Некий воевода пришел с литовскими князьями по имени Дмитрий Боброков, родом из Волынской земли; был он видным полководцем, расставил полки по достоинству, как, где и кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего князя Владимира и литовских князей, и всех князей русских, и воевод и выехав на высокое место, увидел образы святых, изображенные на христианских знаменах, как некие светильники солнечные, светящиеся в ясную погоду. Знамена золотые шумят, простираются, как облака, тихо трепещут, точно хотят промолвить. Хоругви богатырей русских, как живые, колышутся. Доспехи русских сынов, словно вода, что при ветре колеблется. Шлемы золоченые на их головах, как заря утренняя в ясную погоду, светятся. Еловцы шлемов их, как пламя огненное, развеваются.

Умилно видеть и жалостно смотреть на такое собрание и устройство русского войска. Все ведь единомушны, один за другого, друг за друга хотят умереть, все единогласно говорят: «Боже, взгляни на нас с высоты и даруй православному князю нашему победу, как Константину. Покори под ноги его врагов амаликитян, как некогда кроткому Давиду».

Удивились этому литовские князья, говоря себе: «Не было прежде нас, ни при нас, ни после нас не будет так хорошо устроенного воинства. Подобно оно воинству Александра, царя македонского, а мужеством воины подобны Гедеоновым всадникам, Господь ведь Своею силою вооружил их».

Князь же великий, увидев полки свои достойно устроенными, слез со своего коня и пал на колени свои перед черным знаменем великого полка, на котором был изображен образ Владыки, Господа нашего Иисуса Христа, и на-

чал взывать из глубины души громогласно: «О Владыко Вседержитель! Посмотри благожелательным взглядом на этих людей, которые сотворены Твоею десницею и Твоею кровью выкуплены из вражеского рабства. Услышь, Господи, молитвы наши, обрати лицо Свое на нечестивых, творящих злое Твоим рабам. И ныне, Господи Иисусе Христе, молюсь и кланяюсь Твоему образу Святому и Пречистой Твоей Матери, и всем святым, угодившим Тебе, и твердому и необоримому заступнику нашему и молебнику о нас Тебе, русскому святителю, новому чудотворцу Петру, на милость которого надеемся, дерзаем призывать и славить Святое и Великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И, окончив молитву, сел на своего коня и начал ездить по полкам с князьями и воеводами. Каждому же полку говорил: «Братья мои милые, сыны русские от мала и до велика. Уже, братья, ночь пришла, приблизился день грозный. В эту ночь бодрствуйте и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть ныне приготовится, ведь утром невозможно будет так подготовиться. Гости наши уже приближаются, стоят они на реке Непрядве, у поля Куликова, подготовившись к бою. Утром нам с ними пить общую чашу, между собою поведенную, которую вы, друзья мои, еще на Руси желали. Ныне, братья, уповайте на Бога Живого, мир вам будь о Христе. Уже утром поспешат прийти на нас поганые сыроядцы».

Уже и ночь пришла светоносного праздника Рождества Святой Богородицы. Осень тогда продолжалась, сияла еще светлыми днями. Была в ту ночь теплота великая и было очень тихо, и появились заморозки на траве. Поистине ведь сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных просветленная». И сказал Дмитрий Волынец великому князю: «Хочу, государь, в эту ночь испытать свою примету». И когда уже заря померкла, глубокою ночью Дмитрий Волынец, взяв с собою одного великого князя, выехал на поле Куликово, остановился между обеих войск. Повернулся он в сторону татарского войска и слышит стук великий и клич, и вопль, точно рынок собирается, точно город строят, точно гром великий гремит. Позади же татарского войска волки воют грозно. На правой стороне от татарского войска вороны каркают. И был птичий гомон великий. А на левой стороне точно горы играют — великая гроза. На реке же Непрядве гуси и лебеди плещут крыльями, возвещая необычную грозу.

И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: «Слышишь, брат, гроза великая».

И сказал Волынец: «Призывай, князь, Бога на помощь». И обратился он в сторону русского войска, и была великая тишь.

Волынец же сказал: «Видишь ли что-нибудь, князь?».

Он же ответил: «Вижу, как полыхают многие огненные зори».

И сказал Волынец: «Радуйся, государь, добрые это предзнаменования, только Бога призывай и не оскудевай верою». И вновь сказал: «И другую еще попробую испытать примету». И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднялся и поник головою, и вздохнул от сердца. И сказал князь великий: «Что это, брат Дмитрий?». Он же молчал и не хотел сказать ему. Князь же великий много понуждал его ответить. Он же сказал: «Одна примета — тебе на пользу, а другая — на скорбь. Слышал я, как земля плакала двумя голосами: одна сторона, как некая жена, горестно плакала о своих детях по-татарски, другая же сторона, как некая девица, возопила плачевным голосом, точно в какую-то свирель. Очень жалостно слышать. Я же прежде многожды теми приметам испытывал исход сражений, поэтому и ныне надеюсь на милость Божию: молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, сродников ваших и прочих чудотворцев, русских поборников, жду победы над погаными татарами. А твоего христолюбивого воинства много падет, но все-таки будет твоя победа, твоя слава будет».

Услышав об этом, князь великий прослезился и сказал: «Для Господа Бога все возможно, жизнь всех нас в Его власти».

И сказал Волынец: «Не подобает тебе, государь, говорить об этом в полках, вели только, чтобы каждый воин молился Богу и призывал святых Его угодников на помощь. А ранним утром вели им садиться на своих коней, каждому воину, и вооружаться крепко, и осенять себя крестом: он ведь оружие против врагов; завтра утром они хотят встретиться с нами».

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, был поставлен сторожевым от великого князя на реке на Чурове, потому что был он мужественным и крепким сторожевым от поганых. И Бог дал ему в ту ночь увидеть великое видение. Стоя на высоком месте, видел он великое облако, идущее с востока, точно некие полки, идущие на запад. С южной стороны пришли двое юношей, одетых в светлые одеяния, лица их сияли, как солнце, в обеих руках у них были острые мечи.

И сказали они начальникам татарским: «Кто вам позволил уничтожить Отечество наше, которое нам даровал Господь?». И начали их убивать, всех перебили, ни один из них не спасся.

Тот же Фома после того видения стал целомудренным и разумным, а о том видении утром рассказал одному великому князю.

Князь же великий сказал ему: «Не говори о том, друг, никому». И, подняв руки к небу, начал плакать, говоря: «Владыко, Господи, Человеколюбче, ради молитв святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на Амалика и первому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на хваставшего короля римского, хотевшего разорить его Отечество. Не по грехам моим воздай мне, но пролей на нас милость Свою, прости на нас милосердие Свое, не выдай нас на издевательство нашим врагам, чтобы не порадовались враги наши, чтобы не сказали неверные страны: "Где

Бог их, на Которого они уповали?" . Но помоги, Господи, христианам, которые величают имя Твое Святое!».

И отпустил князь великий брата своего князя Владимира Андреевича вверх по Дону в дубраву, чтобы там спрятался его полк, дав ему достойных «ведомцев» своего двора, удалых витязей, крепких воинов. И с ними отпустил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волынского и иных многих.

Настал 8-й день месяца сентября, великий праздник Рождества Святой Богородицы.

В пятницу на рассвете, на восходе солнца, в туманное утро начали христианские знамена развеяться, ратные трубы трубить. Уже русские кони ожились от трубного зова, каждый воин идет под своим знаменем. Радостно видеть стройные полки, расставленные крепким воеводою Дмитрием Боброком Волынцем.

Когда же настал второй час дня, начали в обоих войсках в трубы трубить. Татарские трубы точно онемели, а русские трубы еще больше зазвучали. Войска же противников еще не видят друг друга, потому что утро туманно.

В то время, братья, земля стонет, грозу великую возвещая на восток вплоть до моря, а на запад — до Дуная; обширное поле Куликово перегибается; реки выступили из своих берегов, потому что никогда не было столько людей на том месте.

Великий же князь сел на своего лучшего коня и ездил по полкам и говорил от великой горести своего сердца, а слезы, как река, текли из его очей: «Отцы и братья мои, сражайтесь ради Господа и ради святых церквей, ради веры христианской, ведь такая смерть для нас — это не смерть, но жизнь вечная. Ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим, но победными венцами увенчаемся от Христа Бога и Спаса душам нашим».

Укрепив полки, он снова пришел под свое черное знамя и сошел с коня, и сел на иного коня, и снял с себя царскую одежду, и надел другую. Своего же коня дает Михаилу Андреевичу Бренку, и ту одежду возложил на него, потому что он любил Бренка чрезвычайно, и то черное знамя велел своему оруженосцу возить над ним. Под тем знаменем Бренк и убит был за великого князя. Князь же великий стал на месте своем и вынул Живоносный Крест, на котором были изображены Страдания Христовы, в Кресте том было и Живоносное Древо, и восплакался горько, и сказал: «На тебя надеемся, Живоносный Господень Крест, ведь ты явился греческому царю Константину, когда он был на войне против нечестивых, и чудным твоим образом победил их. Не могут поганые, нечестивые татары, противостоять твоему образу. Так, Господи, покажи милость Свою на рабе Твоем!».

В то же время пришел к нему посол с книгами от преподобного старца игумена Сергия. В книгах же было написано: «Великому князю и всем русским князьям, и всему православному войску мир и благословение!». Князь же великий, выслушав писание преподобного старца, поцеловал гонца его

и тем писанием утвердился, как некими крепкими бронями. Еще дал ему посланный от старца игумена Сергия хлебец Пречистой Богородицы. Князь же великий съел святой хлебец, простер руки свои и громко воскликнул: «О великое имя Всесвятой Троицы, о Пресвятая Госпожа Богородица, помогай нам молитвами преподобного игумена Сергия; Христе Боже, помилуй и спаси души наши».

И сел на своего боевого коня, и взял копье свое и палицу железную, и выехал из полка, захотел прежде всех сам биться с погаными от великой горести своей души за свою великую обиду, и за святые церкви, и за веру христианскую.

Многие же русские богатыри удерживали его, запрещали ему, говоря: «Не подобает тебе, великому князю, самому впереди войска биться, тебе подобает стоять в особом месте и на нас смотреть, а нам подобает биться и свое мужество и храбрость показать перед тобою. Если тебя Господь спасет милостью Своею, ты будешь знать, кого и чем одарить. Мы же готовы в этот день свои головы положить за тебя, государя, и за святые церкви, и за православное христианство. Тебе подобает, великому князю, память сотворить своим рабам, сколько кто ее заслужит своею головою, как царь Леонтий сотворил Феодору Тирону, написать нас в соборные синодики для памяти русским сынам, которые после нас будут. Если тебя одного потеряем, то от кого будем ждать, кто об нас память сотворит? Если все спасемся, а тебя одного потеряем, то какой будет у нас успех? И мы будем, как стадо овечье, не имеющее пастуха, пасущееся по пустыни; и нападут дикие волки, и разгонят их, и разбегутся овцы, кто куда. Тебе, государю, подобает себя спасти и нас».

Князь же великий прослезился и сказал: «Братья мои милые, русские сыны, не могу я ответить на вашу добрую речь, но только хвалю вас, вы ведь во истину добрые рабы Божии. Знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы? Когда он был мучен и велел царь его вести на площадь и казнить мечом, так добрые его друзья один за другим спешат, каждый из них кладет свою голову под меч палача за Арефу, своего воеводу, смотря на это, как на почесть, как на победу свою. Арефа же воевода сказал своим воинам: «Знайте, братья мои, не я ли выше вас имел почести у земного царя, получал земную честь и дары. И ныне подобает мне идти первому к Небесному Царю, и моя голова должна быть отсечена раньше и увенчана мученичеством». И подошел мечник и отсек ему голову, а после уже отсек головы и его воинам. Так и я, братья. Кто больше меня среди русских сынов был почтен и беспрестанные дары принимал от Господа? А ныне злое пришло на меня, ужели не могу вытерпеть! Ведь из-за меня одного все это случилось. Не могу видеть вас побеждаемых, не могу этого терпеть, хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью умереть за святую веру христианскую! Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!».

Уже братья в то время ведут полки: передовой полк ведет князь Дмитрий Всеволодович да брат его князь Владимир Всеволодович, а справа ведет полк

Микула Васильевич с коломенцами, а слева ведет полк Тимофей Волуевич с костромичами. Многие полки поганых бредут с обеих сторон, от множества войска нет им места, где расступиться. Безбожный же царь Мамай выехал на высокое место с тремя князьями видеть человеческое кровопролитие. Уже близко сходятся сильные полки, выехал злой печенег из великого полку татарского, показывая свое мужество перед всеми. Подобен он был древнему Голиафу: пять сажен высота его, а трех сажен ширина его.

Увидев его, старец Александр Пересвет, который был в полку Владимира Всеволодовича, выехал из полка и сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним». Был на голове Пересвета шлем архангельского образа, вооружен он схимою по повелению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного. Брат Андрей Ослябя, моли Бога за меня; сыну моему Иакову — мир и благословение».

Бросился он на печенега, говоря: «Игумен Сергий, помогай мне молитвою». Печенег же устремился против него. Христиане же все воскликнули: «Боже, помоги рабу Своему!». И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними. И упали оба с коней на землю, и скончались.

Когда князь великий увидел, что настал третий час дня, он сказал: «Вот уже гости наши приблизились и ведут между собою поведенную, первые уже испили и веселы стали, и уснули. Пришло время и час пришел каждому свою храбрость показать».

И подхлестнул каждый воин своего коня, и воскликнули единогласно: «С нами Бог!». И снова: «Боже христианский, помоги нам!».

Поганые же половцы начали своих богов призывать. И сошлись грозно оба великих войска, крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими ногами умирали, потому что нельзя было вместиться на том поле Куликовом: место то между Доном и Мечею было тесным. На том ведь поле сильные полки сошлись в битве. Выступили из них кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блистания мечей. И был великий треск и шум от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горький час обозреть это грозное побоище. В единый ведь час, в мгновение ока, о сколько погибло душ человеческих, созданий Божиих!

Воля Господня совершается.

И третий, и четвертый, и пятый, и шестой час крепко, неослабно бьются христиане с погаными татарами. Когда же настал седьмой час дня, Божиим попусшением, наших ради грехов, начали поганые одолевать. Уже многие убиты из сановитых мужей. Богатыри русские и воеводы, и удалые люди, как дубравные, клонятся к земле под конские копыта. Многие сыны русские погибли. Самого великого князя тяжело ранили и сбили с коня. Он же с трудом ушел с побоища, потому что нельзя было ему больше биться, и укрылся в чаще, и Божьею силою сохранным был.

Многажды подсекали знамена великого князя, но не истребили их, Божьею милостью еще больше они укрепилась.

Это мы слышали от верного самовидца, который был в полку Владимира Андреевича. Он поведал великому князю: «В шестой час этого дня видел я над вами небо открывшееся, из него вышло облако, как багряная заря, опустившись низко над полком великого князя. То облако было наполнено руками человеческими, и те руки были над великим полком, как бы проповеднически или пророчески. В седьмой же час дня то облако держало много венцов и опустилось над полком на головы христианские».

Поганые уже начали одолевать, христианские же полки оскудели — уже мало христиан, а все поганые. Видя же такой урон русских сынов, князь Владимир Андреевич не мог терпеть и сказал Дмитрию Волынцу: «Какая польза в стоянии нашем, какой будет у нас успех, кому будем пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, как трава, клонятся». И сказал Дмитрий: «Беда, князь, велика, но еще не пришел наш час: начинающий не вовремя получает для себя вред; колосья пшеничные подавляются, и сорняки растут и буйствуют над благородными. Но потерпим немного до подходящего времени и в тот час воздадим своим противникам. Ныне только вели всякому воину молиться Богу прилежно и призывать святых на помощь, будет с этого часа благодать Божия и помощь христианам».

Князь же Владимир Андреевич поднял руки к небу и прослезился горько и сказал: «Боже Отец наш, сотворивший небо и землю, дай помощь роду христианскому. Не дай же, Господи, порадоваться врагам нашим, мало накажи и много помилуй, ведь милость Твоя бесконечна».

Сыны же русские в полку его горько плакали, видя своих друзей, побиваемых погаными, непрестанно стремились они в бой, точно званые на свадьбу, чтобы пить сладкое вино. Волынец же запрещал им, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, будет ваше время, чтоб утешиться, есть вам с кем повеселиться!».

Пришел восьмой час дня, южный ветер потянул позади нас. И закричал Волынец громким голосом: «Князь Владимир, наше время пришло и час подходящий пришел». И сказал: «Братья мои, друзья, дерзайте, сила Святого Духа помогает нам!».

Единомысленные же друзья выехали из дубравы зеленой, точно соколы приученные оторвались от золотых колодок, ударили на великие стада журавлиные, на великую силу татарскую. А знамена их направлены крепким воеводою Дмитрием Волынцем.

Были они, точно отроки Давидовы, сердца их были, как у львов, точно лютые волки напали на овечьи стада и начали поганых татар немилостиво убивать. Поганые же половцы увидели свою гибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам! Русь снова перехитрила: меньшие сражались с нами, а добрые воины все сохранились». И обратились поганые в бегство, и побежали.

Сыны же русские силою Святого Духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба гнались и убивали их, точно лес рубили, точно трава под косою подстиляется под конские копыта русских сынов. Поганые бежали и кричали: «Увы нам, чтимый наш царь Мамай! Вознесся ты высоко и в ад сошел». Многие наши раненые и те помогали убивать поганых без милости: один русин сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, видя свою гибель, начал призывать своих богов: Перуна, и Салавата, и Раклиа, и Гурса, и великого своего пособника Махмета. И не было ему помощи от них, ибо сила Святого Духа, как огонь, сжигает их.

Мамай же, видя новых людей, которые, как лютые звери, рыскали и гнали татар, как овечье стадо, сказал своим: «Побежим, никакого добра уже мы не можем ждать, но только бы свои головы унести».

И побежал внезапно поганый Мамай с четырьмя людьми в Лукоморье, скрежеща зубами своими, плача горько и говоря: «Уже нам, братья, в своей земле не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видеть, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, а с дружиною своею уже нам не видаться, ни с князьями, ни с алпаутами».

Многие русские гнались за ними, но не одолели их, потому что кони их утомились. У Мамаю же кони были целы, и он убежал.

Эта победа случилась по милости Всемогущего Бога и Пречистой Его Матери, молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибеев, разбойник, когда стоял на страже, как написано прежде этого. Некоторые гнались за татарами, достигали их и возвращались, каждый под свое знамя.

Князь Владимир Андреевич стал на костях под черным знаменем. Грозно, братья, зреть тогда и жалостно видеть, и горько смотреть на человеческое кровопролитие, как морская вода, а трупы человеческие, как сенные стоги: быстрый конь не может скакать, а в крови по колени бродили, а реки по три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел своего брата, великого князя, в полку, но только литовских князей Ольгердовичей и велел трубить в ратные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам, и не нашел, и говорил всем: «Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал вождя нашего и начальника?». И сказал: «Если пастух погиб, то и овцы разойдутся. Для кого честь будет, кто явится победителем?».

И сказали литовские князья: «Мы думаем, что он жив, но тяжело ранен. Не лежит ли он среди мертвых?».

Другой же воин сказал: «Я видел его в седьмом часу крепко бьющимся пащею своею с погаными».

Иной же сказал: «Я видел его позже: четыре татарина напали на него, он же крепко бился с ними».

Некто князь, именем Стефан Новосильский, сказал: «Я видел его перед самым твоим нападением, идущего пешком с побоища, тяжело раненным. Но я не мог ему помочь, потому что преследовали меня три татарина, милостью Божиею едва от них спасся, а много зла от них принял и крепко пострадал».

Князь же Владимир сказал: «Братья и друзья, русские сыны, если кто найдет моего брата живым, тот поистине будет у нас первым».

И рассыпались все по великому, страшному и грозному побоищу, ищущи победителя победы. И наехали на убитого Михаила Андреевича Бренка: он лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий. Иные же наехали на убитого князя Федора Семеновича Белозерского, считая его великим князем, потому что он напоминал великого князя. Два же неких воина отошли в правую сторону, в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой — Григорий Холопичев, оба родом костромичи. Немного отъехали они с побоища и нашли великого князя, избитого и тяжело раненого, и утружденного, отдыхающего под сенью срубленного березового дерева. И увидели его и слезли с коней, поклонились ему. Сабур вскоре возвратился сказать об этом князю Владимиру. И сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович здоров и царствует вовеки».

Все же князья и воеводы, услышавши об этом, быстро устремились и упали у его ног, говоря: «Радуйся, князь наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагов. Честь этой победы принадлежит тебе».

Князь же великий едва сказал: «Скажите мне, как теперь?».

И сказал князь Владимир: «Милостью Божиею и Пречистой Его Матери, помощью и молитвами сродников наших, святых мучеников Бориса и Глеба, и молением русского святителя Петра и пособника нашего и вооружителя игумена Сергия, и тех всех святых молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись».

Князь же великий, услышав то, поднялся и сказал: «Сей день сотворил Господь, возрадуемся, люди, и возвеселимся!». И еще сказал: «В сей день Господень веселитесь, люди! Велик ты, Господи, и чудны дела Твои. Вечером водворится плач, а утром радость!». И еще сказал: «Хвалю тебя, Господи Боже мой, и почитаю имя Твое Святое, ибо не предал нас врагам нашим и не дал хвалиться тем, кто замыслил злое против меня. Суди их, Господи, по делам их, я же, Господи, уповаю на Тебя».

И привели к нему коня, и сел он на коня, и выехал на великое, страшное и грозное побоище, и увидел, что из его войска убито очень много, а поганых татар дважды вчетверо больше того убито. И обратился к Волынцу и сказал: «Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда быть воеводою». И начал с братом своим и с уцелевшими князьями и воеводами ездить по побоищу, восклицая от боли сердца своего и слезами омываясь, и говорить: «Братья, русские сыны, князья и бояре, и воеводы, и дети боярские!

Судил вам Господь Бог умереть такою смертью: положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство».

И, недолго проехав, наехал на место, где вместе лежат убитые князя белозерские: так крепко они бились, что один за другого погиб. Тут же поблизости лежит убитый Михайло Васильевич. И князь великий, став перед ними, перед любимыми воеводами, начал плакать и говорить: «Братья мои, князья, сыны русские, если имеете смелость, помолитесь Богу о нас, ведь я знаю, что послушает вас Бог, что вместе с вами у Господа Бога будем». И потом приехал на иное место и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а поблизости от него лежит стойкий страж Семен Мелик, а поблизости от них — убитый Тимофей Волуевич. И князь великий, остановившись перед их трупами, прослезился и сказал: «Братья мои возлюбленные, ради меня он убит. Какой раб может так господину служить, как вы: ради меня сами на смерть добровольно пошли. Воистину древнему Авису подобны, который был в войске Дария Персидского, и этот так сделал». Лежал тут же и Мелик. И сказал великий князь: «Крепкий мой страж, твердо охраняем я твоею стражею». Пришел и на иное место, увидел Пересвета-чернеца, а рядом с ним лежит поганый печенег, злой татарин, как гора. И тут поблизости лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин.

И князь великий обратился к ним и сказал: «Видите, братья, своего зачинателя, ибо Александр Пересвет, пособник наш, благословлен был игуменом Сергием и победил великого, сильного, злого татарина, от которого многие люди испили бы смертную чашу». И отъехал на иное место, и велел трубить в ратные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав свое оружие на поганых половцах, со всех сторон едут под трубные звуки. Идут весело, ликуя, песни поют. Одни поют Богородичные, другие мученические, иные же псалмы: это и есть христианское пение. Каждый воин едет, радуясь, на трубный звук. Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь, об убитых плачется, а о здоровых радуется. Говорил же он: «Братья мои, князья русские, и бояре местные, и служилые люди всей земли! Вам подобает служить, а мне по достоинству вас хвалить. Когда же даст мне Господь и я буду на своем столе, на великом княжении, в граде Москве, тогда стану вас по достоинству одаривать. Ныне же так сделаем: каждый пусть похоронит ближнего своего, да не будут отданы на пищу зверям тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на костях восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Христианские тела в землю закопали, а нечестивых тела бросили зверям и птицам на расхищение.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Считайте, братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет».

Говорит боярин московский, именем Михайло Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, умел он хорошо считать: «Нет у нас, госу-

дарь, 40 бояринов московских да 12 князей белозерских, да 13 бояринов-посадников новгородских, да 50 бояринов Новгорода Нижнего, да 40 бояринов серпуховских, да 20 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 40 бояринов муромских, да 33 бояринов ростовских, да 20 бояринов дмитровских, да 70 бояринов можайских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углицких, да 20 бояринов галицких. А молодым людям счета нет, но только знаем: погубло у нас всей дружины двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

И сказал князь великий: «Слава Тебе, Вышний Творец, Царь Небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не предал нас в руки врагов наших, поганых сыроядцев. А вам, братья, князья и бояре, и воеводы, и молодые люди, русские сыны, суждено погубнуть между Доном и Непрядвой и на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую! Простите меня, братья, и благословите в сем веке и в будущем». И прослезился на долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, и сядем на своих вотчинах и дединах. Чести себе добыли и славного имени!».

Поганый же Мамай побегал тогда с побоища и прибежал к граду Кафе. И, утаив свое имя, прибежал в свою землю, и не мог терпеть, видя себя побежденным и посрамленным, и поруганным. И снова гневался, и разъярялся, и замышлял злое против Русской земли, рыча, как лев, как неуголимая ехидна. И, собрав оставшиеся свои силы, хотел набегом идти на Русскую землю. И когда он так замышлял, внезапно пришла к нему весть, что царь именем Тохтамыш с востока, из Синей Орды, идет на него.

Мамай же приготовился идти с войском на Русскую землю, и он с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И встретились они на Калках, и был великий бой. И царь Тохтамыш победил царя Мамаю, и прогнал его. Мамаевы же князья и вельможи, есаулы и алпауты били челом царю Тохтамышу. И он принял их, и захватил Орду, и сел на царство. Мамай же прибежал один в Кафу, утаив свое имя, и пребывал тут. И был опознан неким купцом, и тут убит был от итальянцев, и так потерял свою жизнь. Об этом кончим здесь.

Услышал Ольгерд Литовский, что князь великий Дмитрий Иванович победил Мамаю, и возвратился восвояси со многим стыдом. И Олег Рязанский, услышав, что князь великий хочет послать против него войско, убоился и побегал из своей отчины с княгиней и с боярами. И рязанцы добились челом великому князю, и князь великий посадил на Рязани своих наместников.

(Приводится по кн.: За землю русскую. Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков.— М.: Советская Россия, 1981, с. 282—357)